

Большое приключение

Что русскому привычно, то немцу удивительно

DAAD

На прошлой неделе в резиденции посла Федеративной Республики Германия Рюдигера фон Фрича прошла торжественная церемония передачи руководства представительством Германской службы академических обменов (DAAD) в Москве. Грегор Бергхорн, хорошо известный нашим читателям по активной деятельности, длившейся в общей сложности почти 20 лет, отправился на заслуженный отдых. Его сменил другой специалист по славистике, ранее руководивший офисом DAAD в Варшаве и уже работавший в Москве, Петер Хиллер.

Свою карьеру в DAAD г-н Бергхорн начал 15 мая 1989 года. Он был первым референтом этой организации, который взаимодействовал на постоянной основе с университетами СССР, а потом и СНГ. В ходе церемонии передачи руководства DAAD заместитель министра образования и науки РФ Вениамин Каганов отметил важную роль Грегора Бергхорна в станов-

- начинание совершенно иного характера, про немецкую науку в ее инновационном аспекте. Этакая "витрина", на которой представлено все, что касается наших химических, физических, технических достижений и потенциала их использования для нужд экономики. Здесь можно найти контакты

и советская наука высоко ценились в мире, поэтому после распада Союза властям было не до их реформирования, ведь перед ними стояли куда более важные на тот момент вопросы... Поэтому ориентировочно до начала двухтысячных годов эта система работала на базе советских достижений, а потом начался процесс коммерциализации университетов и возникло множество отрицательных моментов. Вопрос качества образования, к сожалению, отошел на второй план по сравнению с процессом получения средств, в результате уровень российских университетов изменился. Сейчас ваше государство и общество признали, что реформа в системе высшего образования и науки абсолютно необходима. Поэтому сегодня происходят самые глубокие, начиная с 1990 года, преобразования в этой сфере. Часть университетов, например Горный институт, вошедший в состав НИТУ "МИСиС", хоть и продолжает работать, но утратил статус юридического лица. Внедряется новая академическая культура, связанная с идеей соревнования. Во времена СССР такого не было - перед каждым вузом стояли свои собственные задачи, на решение которых они получали финансирование. Сейчас средства есть, но, чтобы

и советская наука высоко ценились в мире, поэтому после распада Союза властям было не до их реформирования, ведь перед ними стояли куда более важные на тот момент вопросы... Поэтому ориентировочно до начала двухтысячных годов эта система работала на базе советских достижений, а потом начался процесс коммерциализации университетов и возникло множество отрицательных моментов. Вопрос качества образования, к сожалению, отошел на второй план по сравнению с процессом получения средств, в результате уровень российских университетов изменился. Сейчас ваше государство и общество признали, что реформа в системе высшего образования и науки абсолютно необходима. Поэтому сегодня происходят самые глубокие, начиная с 1990 года, преобразования в этой сфере. Часть университетов, например Горный институт, вошедший в состав НИТУ "МИСиС", хоть и продолжает работать, но утратил статус юридического лица. Внедряется новая академическая культура, связанная с идеей соревнования. Во времена СССР такого не было - перед каждым вузом стояли свои собственные задачи, на решение которых они получали финансирование. Сейчас средства есть, но, чтобы

все тому же Болонскому процессу, интернационализации стала понятна важность того, что наука не знает границ, а молодые люди должны уже во время учебы ездить за границу, строить сети контактов, взаимодействия, которые сохраняются на долгое время и помогут им в становлении их профессиональной карьеры.

- *Какое направление - гуманитарное или естественно-научное - сейчас наиболее востребовано в немецких и российских университетах?*

- Отличный вопрос, потому что это совершенно разные академические традиции. Европейские университеты гораздо старше, чем российские, им было свойственно концентрироваться на изучении медицины, юриспруденции, теологии, философии. Здесь очень долгое время преобладали именно гуманитарные специальности. В России у высшего образования не было столько времени на развитие и становление, поэтому акцент был сразу, со времен Петра Первого, сделан на технических специальностях. Однако современная жизнь требует новых методов и подходов: теперь недостаточно быть просто хорошим инженером, нужны дополнительные знания - по психологии, например, общие юридические, экономические знания. Нужен сбалансированный мультидисциплинарный подход.

- *Какие проекты DAAD и DWIN из реализованных вами вы считаете наиболее успешными?*

- Вместе с Министерством образования и науки РФ были

лений российско-германского научно-образовательного сотрудничества, которое на сегодняшний день является одним из наиболее масштабных для России.

- Раз в два года мы поддерживаем проведение скоординированных конкурсов более чем на 140 млн рублей. Активно у нас развиваются и программы обмена, и здесь я очень благодарен Бергхорну за его инициативы и проекты, такие как, например, "Михаила Ломоносов" и "Иммануил Кант". Надеемся, что он не забудет нас, вернувшись в Бонн, и станет нашим "посланником", работая уже в Германии над усилением российско-германского сотрудничества, - заявил замминистра.

Накануне торжеств, посвященных смене руководства, корреспондент "Поиска" встретился с Грегором Бергхорном, чтобы узнать о том, какие впечатления у него остались от работы с академическим сообществом в нашей стране, и о планах на будущее.

- В России я работал три раза. Первый этап - 1993-1998 годы, после чего я вернулся в Бонн, где занимался странами Кавказа и Средней Азии. Второй раз - 2002-2004 годы, затем опять последовало возвращение в Германию на пост руководителя группы Восточной Европы. А летом 2009-го - как говорится, Бог любит Троицу - я снова оказался в Москве, причем с 2011 года параллельно с DAAD возглавив и Германский дом науки и инноваций (DWIN).

- В чем различие двух этих проектов?

- DAAD - история про образование в целом, а DWIN

Здесь можно найти контакты с разными организациями в Германии, например с Объединением им. Гельмгольца, Немецким научно-исследовательским сообществом, Обществом им. Фраунгофера, Обществом Макса Планка, нашими техническими предприятиями и т.д. DWIN - очень "пестрая", живая работа, отличающаяся от рекурсивной деятельности, связанной с отбором стипендиатов в DAAD. Это и выездные мероприятия, и конференции, и наши знаменитые ежегодные российско-германские Недели молодого ученого, проходящие в ведущих университетах по всей России.

- Не было ли вам сложно разрываться между такими непохожими друг на друга начинаниями?

- Да, переключаться с одного на другое было не всегда легко. Но у меня очень хорошие сотрудники, да и сам я рос, совместно развивался с этими проектами. Я стал третьим по счету директором DWIN. С моим приходом на этот пост мы начали работать более систематизированно: появились повторяющиеся мероприятия, выработана концепция развития организации, сформирована отличная профессиональная команда, на которую я всегда мог опереться...

- Вернемся к началу вашей карьеры. В какими ожиданиями вы впервые ехали в Москву? Совпали ли они с тем, что вы здесь увидели?

- Я родился в 1950 году. До конца 1980-х жители Западной Европы, к которым я относился, просто не могли представить себе, что со временем все так сильно изменится - начнется перестройка и т.д. Я жил в ФРГ, поэтому знаний о СССР, в противоположность коллегам из ГДР, у меня было прак-

тически в России.

Когда судьба предоставила мне такую возможность, это было сродни полету на Марс - одновременно и вызов, и самое большое приключение в жизни. Это была совсем иная система, чем всем казалось на Западе. Нас, например, очень удивляло, что в СССР высоко котировались только технические и политехнические институты, а не классические университеты, что их ректоры зачастую исполняли еще и политические функции. Мы должны были учитывать, что в России культура строилась на базе высшего технического образования, инженерных и естественно-научных дисциплин. Множество ваших политиков, высокопоставленных администраторов изучало именно научно-технические специальности. В то время юристов, германистов, социологов, экономистов тут просто было не выдать.

Для меня и моих коллег такой подход был в новинку, поскольку в Германии не было столь ярких акцентов: все было более-менее распределено, а уж медики, гуманитарии, юристы и вовсе ценились прежде всего. Такой разительный контраст был очень интересен, здесь использовались совершенно другие подходы. Их изучению я и посвятил начало своей деятельности в России.

- Как, на ваш взгляд, за это время развилась система науки и высшего образования в нашей стране?

- Думаю, что самое лучшее наследие Советского Союза - это именно ваша система высшего образования и науки. В отличие от всех иных сфер жизни постсоветского общества она здесь более-менее сохранилась в том виде, в котором существовала в СССР, на очень длительный период. Советское образование

их получить, вы должны сначала продемонстрировать, на что способны.

Еще один важный момент - интернационализация. В прежние времена максимум, на что мог рассчитывать иностранный студент, - визит в вузы Москвы или Петербурга. Томск, Красноярск, Владивосток были для него закрытыми городами. Сейчас же их можно посетить, учиться и работать там наравне с двумя столицами. Это огромный шаг вперед. Итак, идея конкурентной борьбы, открытость и интернационализация, необходимость поиска новых контактов, повышения рентабельности - все эти новые элементы появились в жизни ваших университетов совсем недавно, буквально лет 5-8 назад. Такой вот гигантский, стремительно набирающий обороты процесс.

- А что и как за это время изменилось в университетах Германии?

- Студенты гораздо моложе, чем раньше. Когда я начал свою учебу, мне было почти 22 года. Сегодняшним студентам, в среднем, 18 лет. Так что ситуация изменилась в плане возраста, а также, с началом Болонского процесса, в области структуры учебы. Изменилось в Германии и финансирование университетов. Раньше они получали средства исключительно от своей федеральной земли. Сегодня же вопрос поиска спонсоров, прежде всего в технических университетах, играет ключевую роль. Раньше это не было принято, общественность была настроена агрессивно "против". Сейчас - столь же рьяно "за". Далее, число иностранных студентов в Германии сейчас составляет ориентировочно 11%. Раньше же оно было где-то чуть выше нуля - такое практически не было принято. Но благодаря

запущены две совместно финансируемые программы - "Михаил Ломоносов" и "Иммануил Кант". Также мы плотно работаем с крупнейшими вашими университетами - МГУ им. М.В.Ломоносова, СПбГУ, РГГУ. Но, пожалуй, самый большой наш проект - Германно-Российский институт новых технологий, созданный на базе Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева.

Возможно, вскоре силами DAAD и Ассоциации ведущих университетов России будет запущен новый совместный стипендиальный проект для немецких и российских магистров, молодых ученых. Если все получится, в марте мы подпишем меморандум о взаимопонимании и с весны следующего года эта программа стартует.

- Что вы пожелаете своему преемнику?

- Доктор Петер Хиллер уже работал на этом посту в Москве, ему здесь все хорошо знакомо. Думаю, главе DAAD необходимо много трудиться, много путешествовать, всегда быть открытым российским коллегам. Следует помнить о том, что Россия и ее мироустройство изменились сегодня на тысячу процентов. Что касается вашего академического мира - тут то же самое.

- Чем вы планируете заниматься на пенсии?

- Может быть, буду выступать с докладами перед представителями университетов и других заинтересованных в развитии науки и образования кругов. Характер работы, безусловно, изменится, она станет менее насыщенной, но я буду искать новые способы поддерживать контакт с Россией.

Беседовала
 Анна ШАТАЛОВА
 Фото предоставлено DAAD